

Исследование поддерживалось грантом Президента Российской Федерации МД – 963.2007.6.

1. Холмский А.И. Пессимизм и quasi-научная критика. Несколько замечаний на брошюру проф. философии в Новороссийском университете Н.Я. Грота: О научном значении пессимизма и оптимизма как мировоззрения. Одесса, 1884. С. 59—60.
2. Струве Г. Энциклопедия философских наук и направлений с введением в философию. Варшава, 1890. С. 75—76.
3. Остроумов М.А. Письмо к редактору // Там же. С. 321.
4. Пяковский Н.Я. Письмо к редактору // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 22. С. 322
5. Там же. С. 324.
6. Грот Н.Я. Заметка редактора // Там же. С. 325.

Н.Г. Баранец, О.В. Ершова
Ульяновск

ДИСКУССИЯ О НОРМАХ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

На рубеже XIX—XX веков происходила активная дискуссия между метафизическими и трансцендентальными идеалистами о специфике философского творчества и нормах, которые его определяют. Само появление дискуссии о нормах философствования свидетельствует о том, что разность критериев оформления и оценки философского творчества была обусловлена на данном этапе развития философского сообщества различностью понимания сущности философии, а также становящимся характером этих критериев. Следовательно, различие в концептуальных положениях, влияющих на всю систему критериев, являлось одной из причин, сдерживающих становление универсальных, общезначимых норм для любого философского направления.

Так, например, расхождение метафизических идеалистов и неокантианцев в приоритетности критерия оригинальности и критичности препятствовало становлению этих норм как взаимодополняющих, а не взаимоисключающих. В данных дискуссиях наблюдается также тенденция к становлению в сознании членов философского сообщества норм универсализма, требующих при обосновании философской концепции руководствоваться общими критериями и правилами доказательности.

Полемика, возникшая в философской среде по поводу критериев оценки философского творчества, возможно, обусловила стремление редакций двух крупных философских журналов («Вопросы философии и психологии», «Логос»), которые были представительными печатными органами метафизического и неокантианского направления, четко сформулировать те требования, на которые следует ориентироваться при написании философских трудов. В связи с этим интересно обратиться к материалам главного печатного органа метафизического направления, журнала «Вопросы философии и психологии», инициатором которого был Н.Я. Грот.

Журнал «Вопросы философии и психологии», являясь академическим журналом, предполагал реализацию принципов и норм университетского сообщества рубежа XIX—XX веков. Редакцией журнала «Вопросы философии и психологии», при формулировке основных задач академического издания, были определены критерии (нормы) оценки философствования, на которые должно ориентироваться философское сообщество. Н.Я. Грот в статье «О задачах журнала» [1], рассуждая о нормах философского творчества, высказывает мысль о том, что причиной, вызвавшей его попытку определить образец, эталон того, как должно оформляться философское творчество, чтобы соответствовать научному уровню (статусу философии как науки), стало распространение большого количества псевдофилософских работ. Так, он пишет: «У нас в России философствующих людей много, но людей действительно знакомых с историей и основными задачами философии мало» [2]. В связи с этим Н.Я. Грот формулирует требования к репрезентативности философской работы, которые должны стать объективной характеристикой философской работы, вне личных пристрастий философа. Во-первых, необходимо четкое осознание философии как определенной дисциплины, знание ее предмета, специфичности философского знания, знание философской традиции: «Мы требуем только, чтобы присылаемые статьи обнаруживали достаточно критическое знакомство с историей науки и философией и способность авторов к строгой логической работе мышления». Но при этом Н.Я. Грот замечает, что «...при обсуждении отдельных философских вопросов, знакомство с прошлыми судьбами философии иногда с успехом возмещается обширной специальной эрудицией — глубоким знанием математики, естест-

венных наук или наук социальных. Есть случаи, когда знание прошлой истории философии и современных специальных наук заменяется художественною силою и интуитивным проникновением в затаенные смыслы явлений жизни и психических отношений личности».

Во-вторых, предъявлялось требование универсальности, т.е. необходимости вписывать свое интеллектуализирование в философскую традицию: «Дело идет... не о выражении субъективных мнений и добрых желаний, а о продолжении той объективной работы философского познания и самопознания, которая началась еще в Европе почти двадцать пять столетий назад» [3]. В-третьих, в отношении теоретизирования должна выполняться норма эмоциональной нейтральности и независимости: «Нас хотят сделать из искренних и беспристрастных искателей истины, какими мы желали бы быть, из поборников всестороннего анализа явлений жизни и философского синтеза разрозненных течений современной мысли в одно цельное миросозерцание — борцами за политические флаги и литературные пароли отжитой и выродившейся эпохи русского самосознания». В-четвертых, по возможности подходить «...к разработке теоретических проблем философии... с точки зрения новых данных специальных наук и современных философских исследований». В-пятых, труд должен быть оригинальным и являть попытку самостоятельного философского творчества. Таким образом, Н.Я. Грот выражает мнение, что только «...все талантливое и ученое, логически продуманное и литературно обработанное...» должно иметь место на страницах журнала «Вопросы философии и психологии».

С нормами, выдвинутыми редакцией журнала «Вопросы философии и психологии», были солидарны и члены редакции журнала «Логос», который был не только последовательным проводником неокантианских философских идей, но и стремился на неокантианской основе начертать пути развития философской мысли в России. Члены редакции журнала «Логос» требовали от философской работы методологической грамотности: «...нужно только, чтобы статья удовлетворяла требованиям философской критики» [4].

Репрезентативность системы трактуется неокантианцами неоднозначно: с одной стороны, они считают, что «...необходимо связать философскую концепцию со всей полнотой специального

знания... в смысле признания самой наукою глубокой необходимости философского удовлетворения мотивов всех областей специального знания» [5]. Это вызвано необходимостью преодоления односторонности современных школ, связанной с ориентацией «на какую-нибудь специальную науку, ведущую к отбрасыванию за борт целого ряда философских проблем». С другой стороны, в основу критерия репрезентативности системы полагают ее взаимодействие и знание немецкого идеализма (Канта и др.). «Все современные оригинальные явления философской мысли носят на себе отпечаток влияния немецкого идеализма; все попытки философского творчества, игнорирующие это наследство, вряд ли могут быть признаны безусловно значительными и действительно плодотворными» [6].

Критерий оригинальности получил двусмысленную формулировку: в положительном и негативном смысле. «Всюду много тонкой абстрактной работы ума... но ни на чем не лежит печати глубокой гениальности и действительной мудрости. Воспитанные на готовом, на безусловном признании уже данных истин... быстро удовлетворяются в поисках за новым подменой и фальсификацией его, ибо нет автономии духа философского, и научная истина подчинена чуждому ей Богу новизны» [7].

Неокантианцы, входившие в редакцию журнала «Логос», отстаивали полезность позиции критичности в отношении философского творчества. Они полагали, что систематическая критика выделяет то вечное значение его (прошлого), те элементы, без которых неосуществимо систематическое творчество будущего. Общей целью журнала «Логос» было стремление «духовно срастить русскую культуру с западной и подвести под интуицию и откровение русского творчества солидный профессионально-технический фундамент» [8].

Таким образом, можно предположить, что декларативное заявление редакций двух журналов о нормах оформления результатов философствования, с одной стороны, придавало им статус общезначимых (универсальных), с другой стороны, это свидетельствовало о становящемся характере данных норм. Данный факт, возможно, свидетельствовал о попытке придать системе критериев общезначимый (универсальный) характер с целью преодолеть различия и вакуум неопределенности в стандартах философского творчества и, следовательно, учредить определенный

эталон, который соответствовал бы статусу философии как философской дисциплины.

Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 07-03-21303 а/в.

1. Грот Н.Я. О задачах журнала//Вопросы философии и психологии. 1891. Кн.6. С.1.
2. Там же. С.1.
3. Там же. С.4.
4. Гессен С.И. Письма к Э. Метнеру // Вестн. Рос. акад. наук. 1993. Т.63, №6. С. 526—529.
5. Грот Н.Я. О задачах журнала. С.1.
6. Там же. С.9.
7. Там же. С.10.
8. Кант и философия в России. М., 1994. С.221.

А. М. Бекарев, Г. С. Пак
Нижегород

НАУКА В ТЕРМИНАХ НАУЧЕНИЯ

Можно дать такое определение науки, которой может показаться тавтологичным: «Наука — это то, чему можно *научить*». Шедевры искусства часто остаются в прошлом, их не повторить. Для крепкой веры необходимо глубокое религиозное чувство. Оно есть не у каждого. Другое дело — наука, которая представлена не только выдающимися открытиями и солидными книгами. Впрочем, не монографии и статьи являются способом существования науки. Ее способ — научение, которое осуществляется *через повторение*.

С другой стороны, вопросы научения стали особенно актуальны в условиях рыночной парадигмы, ибо эта парадигма претендует на универсальность. Ведь что действительно стало универсальным, так это явление «чистогана». «Купля-продажа» получила предикат всеобщности и необходимости и проникла во все поры общества. Не осталось почти ничего в умопостигаемом мире, что не могло бы быть предметом продажи. Шедевры, земля, технологии, таланты, имена — все способно размениваться на звонкую монету. Вопреки утверждениям Эпиктета можно сказать, что неотчуждаемых явлений не осталось. Даже отходы кому-то нужны.